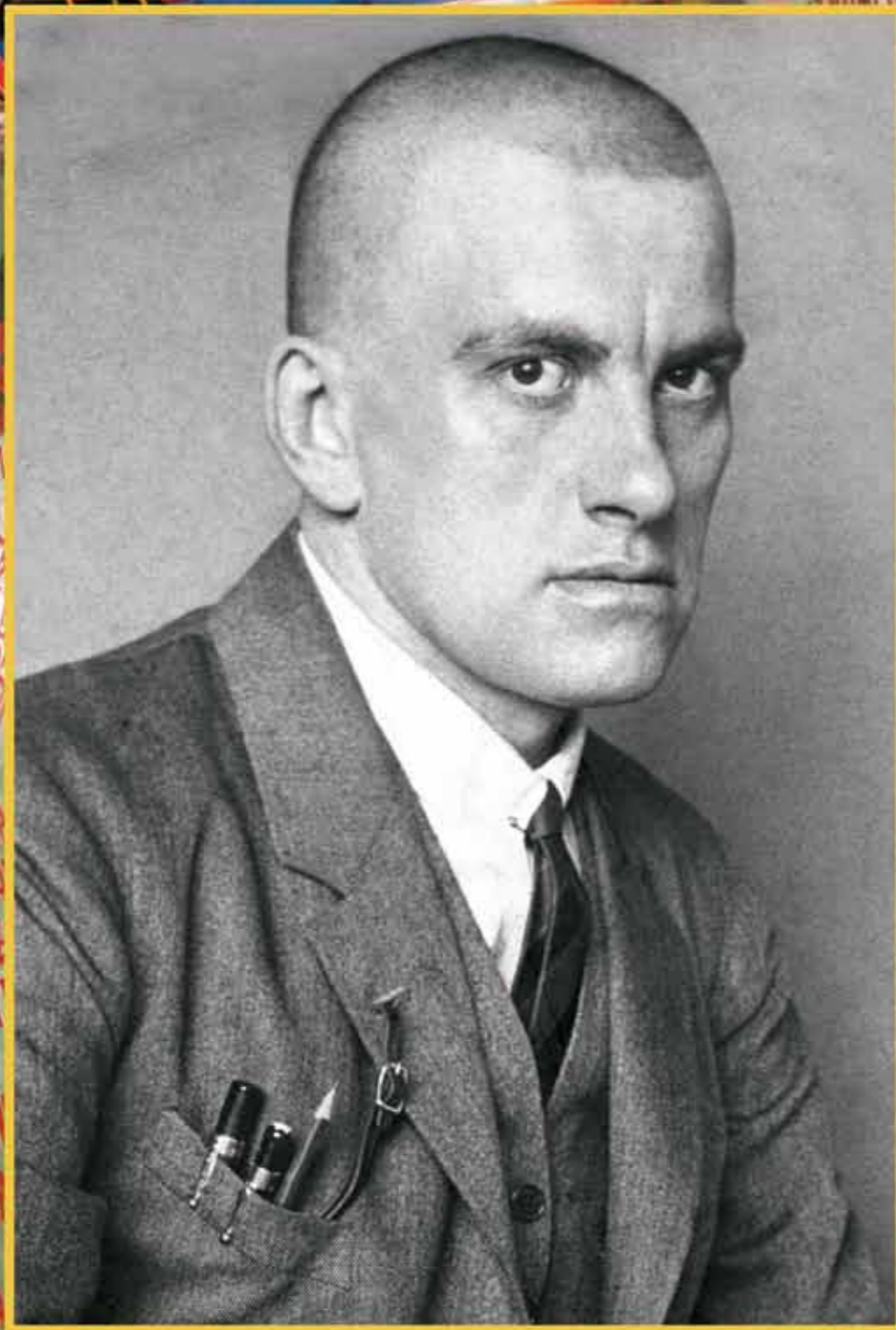

Музейон

А.А. Дановская

Государственный музей В.В. Маяковского

*Надо жизнь сначала переделать,
Переделав, можно воспевать.*
В.В. Маяковский

Неподготовленного или просто мало знакомого с творчеством Владимира Маяковского человека Государственный музей его имени может привести в некоторое замешательство. Ведь так или иначе с детства у большинства из нас медленно, но верно складывался традиционный образ музея: полные тишины залы, строгие взгляды зрителей, обязательные таблички «руками не трогать» и экспонаты за стеклами витрин. Открывшись в 1989 году, Музей В.В. Маяковского посягнул на эту традицию и продолжает развенчивать обветшалые музейные каноны. Само слово «музей» заиграло новыми красками, в его яркой авангардной палитре каждый цвет играет особую роль и несет определенную информацию.

Свою биографию музей отсчитывает с 5 декабря 1935 года, когда было принято решение о создании Библиотеки-музея В.В. Маяковского в Гендриковом переулке (ныне – переулок Маяковского), 15/13, – в доме, где поэт получил квартиру в 1925 году. В 1936 году начинаются работы по реставрации и восстановлению квартиры, она не подверглась перепланировке и была воссоздана в том виде, в каком была при его жизни. Большая часть мемориальных вещей была передана в музей Л.Ю. и О.М. Бриками, которые также проживали в этой квартире до 1930 года. В это время к зданию дома пристраивают читальный зал будущей библиотеки-музея. Открытие комплекса Библиотеки-музея В.В. Маяковского состоялось 14 октября 1938 года. На долю первого музея Маяковского выпали страшные годы Великой Отечественной войны. Чтобы спасти мемориальные вещи поэта, сотрудники музея рассортировали их по ящикам и закопали в саду, прилегающем к территории. Четыре военных года они вели дневник; был начерчен план сада и отмечены места, где спрятаны три ящика с музейными ценностями. В 1950–1970-е годы Библиотека-музей В.В. Маяковского прочно закрепляет свое место в литературной жизни Москвы: стены этого здания видели Давида Бурлюка, Михаила Светлова, Илью Эренбурга, Бориса Пастернака и Анну Ахматову, Назыма Хикмета, Луи Арагона и Рафаэля Альберти, Давида Самойлова и Булата Окуджаву, Евтушенко, Ахмадулину, Вознесенского. Именно здесь устраивается первая выставка русского авангардного искусства...

В 1967 году по решению исполкома Моссовета «О Государственном музее В.В. Маяковского» начинается работа над созданием музея в Лубянском проезде, 3/6, – в доме, где находилась коммунальная квартира, в одной из комнат которой Маяковский жил с 1919 по 1930 год. Перегородки коммунальных квартир были снесены, и бывшие жилые помещения превратились в просторные экспозиционные залы. В январе 1974 года музей принял первых посетителей и стал стремительно развиваться. Фонды, включавшие в себя то, что было передано Библиотекой-музеем В.В. Маяковского, постоянно пополняются и насчитывают сегодня более 50 тыс. единиц хранения. С 1981 года музей возглавляет заслуженный работник культуры РСФСР Светлана Ефимовна Стрижнёва.

В 1987–1989 годах Музей В.В. Маяковского провел реконструкцию здания, а главное – реконструкцию пространства внутри музея. Автор и сценарист новой экспозиции – Т.П. Поляков, главный автор художественной концепции – Е.А. Амаспюр. 1989 год стал для музея годом «второго» рождения. Можно сказать, что новая экспозиция повторила дерзкими новациями самого поэта, когда тот вдруг явился перед публикой в своей вызывающей желтой кофте. Сегодня многим уже трудно представить музей без громадины буквы «Я» на фасаде здания. Музей приглашает нас заглянуть внутрь этой сложной, противоречивой, но фантастически яркой эпохи и, конечно, уникальной по масштабу таланта личности.

Нет единственно верной интерпретации того, что мы увидим внутри музея. Входя в этот дом и эту эпоху, вы начинаете разгадывать ребусы, загадки, и только от вас зависит,

Фасад Музея В.В. Маяковского в Лубянском проезде

найдете ли вы ключи ко многим головоломкам и с каким именно Маяковским вы познакомитесь в стенах музея. Здесь Маяковский – не безупречный идол, не классический портрет, с которого аккуратно смахивают пыль и регулярно покрывают раму позолотой, стараясь залатать изъяны. Перед вами – живой человек, личность, поэт. «Я поэт, этим и интересен», – скажет он о себе в автобиографии «Я сам». Но только ли поэта вмещает в себя я Владимира Маяковского? У гостей музея прекрасная возможность узнать об этом самим, помимо учебников и хрестоматий.

Музей – театр, где Маяковский не только главный герой, но и сценарист, представивший нам сценарий своей жизни. А его гость на время путешествия по музейному пространству становится и режиссером этого действия, и, конечно же, зрителем.

Как и театр, музей начинается с вешалки, с такой, обычно мало заметной части пространства, как гардероб. Тут начинаются первые удивления. Перед нами ряд искалеченных стульев, остается только гадать, можно ли на них присесть, или это лишь декорации? В глаза бросаются «забытые» вещи: дуэльный пистолет Пушкина, гитара Высоцкого, разбросанные тетрадные листки с авто-

графами Есенина, Цветаевой, Франсуа Вийона – всего двенадцать судеб. Судьбы людей, о которых напоминают эти свободные места, так же жестоко искалечены, но окончательно сломить их не удалось и не удастся уже никому.

«Дети, будьте как маяк!»

Жизнь любого человека начинается с его появления на этот свет. Знакомство с жизнью Владимира Маяковского в музейном пространстве начинается с гостиной дома семьи Маяковских в грузинском селе Багдади. Маленькая комнатка, где собиралась удивительно дружная семья, устраивались вечерние чтения классической литературы с последующими обсуждениями. У каждого было за столом свое место. На месте Владимира Константиновича Маяковского, главы семейства, оставлена его записная книжка, на полочке рядом – погоны лесничего и футляр из-под бинокля, в котором он, обладая отменным зрением, носил табак. Напротив, где сидела Александра Алексеевна, – швейная машинка, символ заботы о доме, детях.

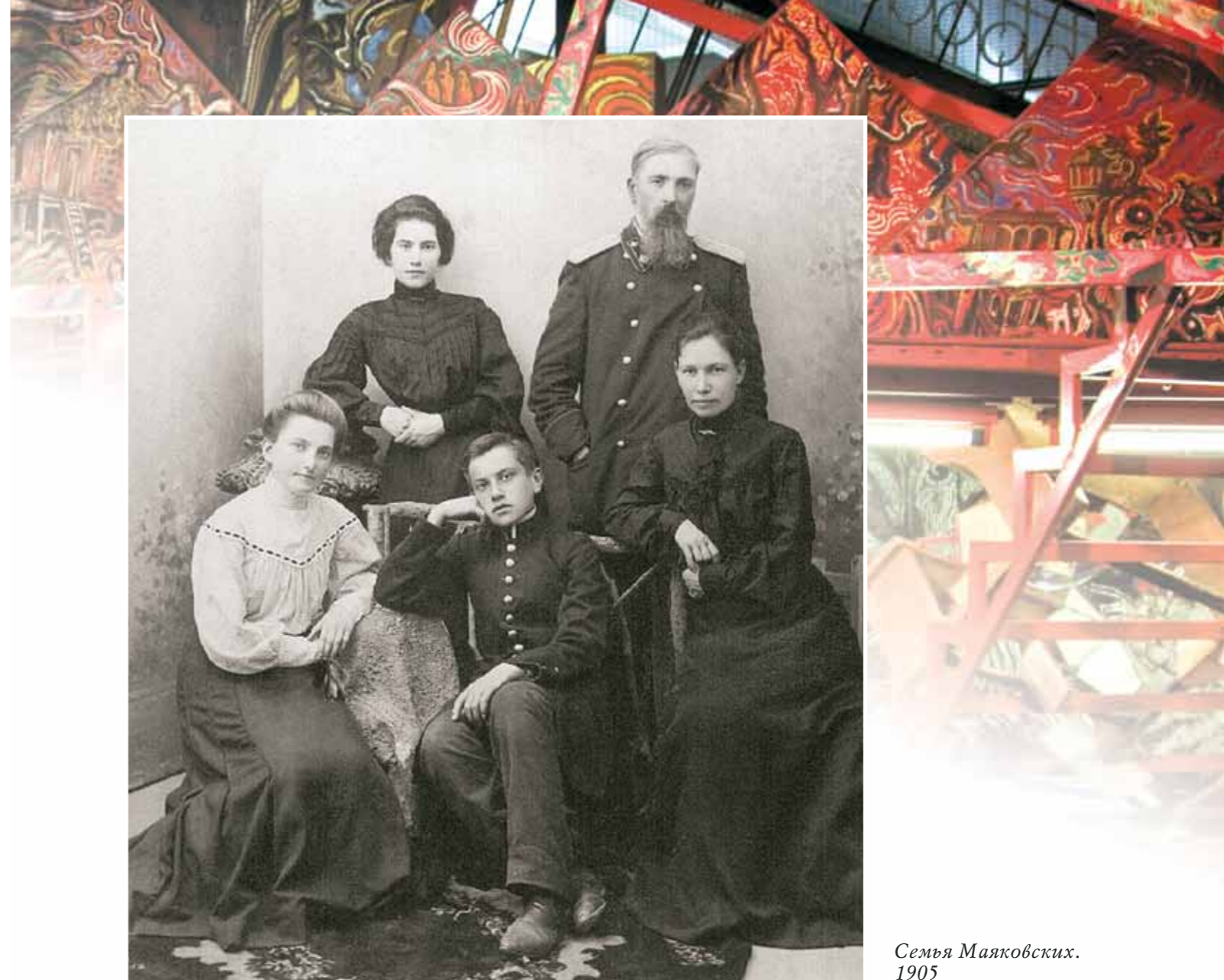
У Володи Маяковского были две старшие сестры, Людмила и Ольга. Место Людмилы отклонено

от общего стола; ей было девять лет, когда у нее появился младший брат, она уже не живет постоянно в семье, а, обучаясь в женской гимназии, приезжает домой лишь на праздники и каникулы. Людмила хорошо рисует, она окончит Строгановское художественно-промышленное училище (ныне Московская государственная художественно-промышленная академия имени С.Г. Строганова) и будет первой женщиной в Советской России, которая начнет заниматься аэрографией по ткани. Младшей сестре Ольге в год появления на свет Маяковского всего три года, и именно поэтому так по-детски шаловливо приклонен ее стул к общему столу.

В такой семье и появляется 19 июля 1893 года, ровно в день 36-летия своего отца, Володя Маяковский. Как любой непоседливый мальчишка, он быстро наводит в доме свои порядки, взяв в соратники сестру Ольгу. Они вместе с ней лазят в горы, исследуют заброшенную крепость возле села, она поддерживает его во всех начинаниях, эта поддержка сохранится и во взрослые годы. Очень рано проявляется феноменальная память Володи: в возрасте трех-четырёх лет он читает наизусть стихотворения, которые запоминает на слух во время семейных чтений, чем, конечно, вызывает общий восторг. Отец Маяковского, когда в дом приходили гости, часто так предвещал его

выступление: «А теперь мой сын, Владимир Маяковский, наследник пустых именей, прочтет вам стихи». Над столом, в очень необычном для этого месте, – грузинский кувшин чури. Володя любил забраться внутрь такого кувшина и оттуда читать стихи; ему очень нравилась сила голоса, которую он приобретал благодаря акустике. Володя любит всевозможные игры со словами и с формами слов; на столе лежит интересное письмо, адресованное Людмиле, написанное по спирали. Но вот первая самостоятельно прочитанная книга не произвела должного впечатления на будущего поэта: «Какая-то “Птичница Агафья”. Если б мне в то время попало несколько таких книг – бросил бы читать совсем». И по сей день эта книжка небрежно заброшена под стол в музейной инсталляции. Однако уже про вторую книгу, попавшую ему в руки, Маяковский скажет: «Вот это книга!» Это будет «Дон Кихот» Сервантеса, она находится на почетном месте, возле чури, как и картонные латы, которые, под впечатлением от прочитанного, смастерил себе Владимир.

Но жизнь мальчика не может состоять только из игр и рыцарских романов. Настает время обучения в гимназии, и вся семья, за исключением отца, который не может оставить место лесничего в Багдади, переезжает в Кутаиси, где Владимир Маяковский поступает в мужскую Кутаисскую гимназию.

Семья Маяковских.
1905

Зал «Рождение человека, поэта, гражданина»

«Володю заинтересовал маяк. Ему объяснили устройство и назначение маяка: он далеко светит и указывает путь морякам. Володя поднялся наверх и сказал Оле:

– Жаль, что я не залез один и не посмотрел вниз, какой ты была бы маленькой.

Маяк произвел на Володю такое сильное впечатление, что впоследствии, став поэтом, он написал для детей книжку “Эта книжечка моя про моря и про маяк”. В конце книжки он обращается к детям со словами:

*– Дети,
будьте, как маяк!
Всем,
кто ночью плыть не могут,
освещай огнем дорогу.*

Сам он с детства мечтал жить так, чтобы своими делами освещать людям путь к светлому будущему.

Ему было приятно, когда школьные товарищи, сокращая фамилию, называли его “Володя Маяк”» (А.А. Маяковская. «Детство и юность Владимира Маяковского»).

Внимание зрителей привлекает пролетающая над ними и словно вылетающая в окно парта – подобие той, за которой сидел Маяковский-гимназист. И любопытнейший документ – табель с оценками за третий класс обучения, в котором и следа нет от тех «пятерок», в которых «шел» Маяковский в первые два года обучения, как он сам вспоминал. Летящая парта – как символ тех отголосков революции 1905 года, которые отчетливо доходили до Кутаисской гимназии. Учащиеся пытаются устроить свою революцию, низвергнуть свою ненавистную власть – учительскую; а рядом – ее главный образ, директорское кресло. Маяковский не просто участвует в школьных митингах, демонстрациях, срыве занятий; разобраться в политической ситуации в стране, в корнях этой

Регистрационная карточка Московского охранного отделения. 1908

борьбы ему помогают запрещенные книги, листовки и прокламации, которые привозит из Москвы сестра Людмила, когда приезжает на каникулы домой. Именно эта литература валится из-под крышки парты Маяковского буквально на головы посетителям: Маркс, Энгельс, Ленин и Каутский; поражающий набор для 12-летнего подростка! Свой детский восторг от всего запрещенного Владимир Маяковский потом тоже вспомнит: «Приехала сестра из Москвы. Восторженная. Тайком дала мне длинные бумажки. Нравилось: очень рискованно. Помню и сейчас. Первая:

*Опомнись, товарищ, опомнись-ка, брат,
скорей брось винтовку на землю.*

И еще какое-то, с окончанием:

*...а не то путь иной –
к немцам с сыном, с женой и с мамашей...
(о царе).*

Это была революция. Это было стихами. Стихи и революция как-то объединились в голове».

Но настоящая революция происходила не в школьных стенах, а в Москве, на баррикадах, куда Владимиру Маяковскому очень хотелось попасть. И в 1906 году после внезапной смерти отца семья переедет в Москву.

Отец Маяковского умер от укола ржавой булавкой во время сшивания бумаг. Потрясение, которое испытал подросток Маяковский, укладывается в пару слов из его автобиографии: «Благополучие кончилось». Он сразу резко повзрослеет, на лбу у него появится та самая складка, печать этой трагедии, которая останется навсегда. У Маяковского начнет развиваться его мнительность: он боится ран, порезов, всегда носит с собой йод и мыльницу.

В Москве 1906 года, где гость музея оказывается вместе с Маяковскими, от баррикад остались лишь обломки, которые брошены к нашим ногам и так напоминают буфет из гостиной Маяковских. Но если раньше, в благополучном детстве, в буфете

хранилось варенье и пиалы с конфетами, то теперь в нем прячется атрибутика подпольной деятельности: типографская касса, чернила-непроливашки, запрещенные листовки и прокламации. Одним своим краем буфет как бы уходит в подпол, в то самое подполье, в котором и оказывается Маяковский в эти годы. Он распространяет листовки, становится агентом тайных подпольных организаций, пропагандистом. Чтобы заработать денег на жизнь семьи, раскрашивает вместе с сестрами шкатулки и пасхальные яйца: «Яйца продавал в кустарный магазин на Неглинной. Штука 10–15 копеек. С тех пор бесконечно ненавижу Бемов, русский стиль и кустарщину».

В 15 лет – первый арест за деятельность в подпольной типографии. Маяковский проводит полтора месяца в Суцеской тюрьме, однако благодаря своему возрасту выпущен из заключения на поруки матери и сестрам. В экспозиции представлена учетная карточка Московского охранного отделения с его фотографиями. Можно провести эксперимент: спросить у гостей музея, сколько, на их взгляд, лет молодому человеку на этих снимках анфас и в профиль? Как правило, называют возраст от 17 до 30 лет. И даже рукой следователя обвиняемому Маяковскому поставлен возраст 17–19 лет. Никто поверить не может, что столь серьезные обвинения в подрыве государственной власти вынесены 15-летнему юноше! Доходит до того, что следователи подают запрос в судебно-медицинскую комиссию на предмет установления настоящего возраста Маяковского, о чем говорит документ рядом с учетной карточкой. Но стоит признать, что, наверное, слежка питала некоторую симпатию к этому долговязому, юркому мальчишке, так протестующему против сложившихся порядков; иначе как объяснить те благородные прозвища, которыми наделяет его полиция: «Кленовый», «Высокий» – стоят надписи на его учетных делах.

В 1909 году Маяковский участвует в организации побега восьми политзаключенных женщин из Новинской тюрьмы. Владимира всегда и во всем поддерживала его семья. Сестра Ольга во время обыска на квартире Маяковских перевязала запрещенную литературу бечевкой и перекинула на крышу соседского дома, а мама Александра Алексеевна собственноручно шила платья для беглянок; поэтому в символике музейной инсталляции вновь появляется образ швейной машинки. Слово Голгофа, притягивает взгляд посетителей другой предмет – огромный зеленый трон, символ власти, уже не школьной, а имперской...

Подобные ненавистные для Маяковского реалии не зря окрашены именно в этот цвет. Зеленый, по Маяковскому, есть цвет ненависти. Возможно, это связано с детским воспоминанием поэта: «Лет

семь. Отец стал брать меня в верховые объезды лесничества. Перевал. Ночь. Обстигло туманом. Даже отца не видно. Тропка узейшая. Отец, очевидно, отдернул рукавом ветку шиповника. Ветка с размаху шипами в мои щеки. Чуть повизгивая, вытаскиваю колючки. Сразу пропали и туман и боль. В расступившемся тумане под ногами – ярче неба. Это электричество. Клепочный завод князя Накашидзе. После электричества совершенно бросил интересоваться природой. Неусовершенствованная вещь». Может, именно с тех пор и осталась эта нелюбовь к зеленому – цвету природы?

После побега арестанток Маяковского ловят на следующий день на квартире одного из устроителей побега и снова предъявляют ему обвинения в подрыве государственной власти. Начинается новая глава жизни Маяковского-гражданина, бунтаря, которую он сам назовет «Одиннадцать бутырских месяцев».

На самом деле месяцев, проведенных в Бутырской тюрьме, будет всего пять, но Маяковскому 16 лет, он находится в одиночной камере № 103 без права общих прогулок, все это время наблюдая в маленькое тюремное окошечко бюро похоронных процессий – тут и у более взрослого человека может невольно пойти месяц за два. Музейная «тюрьма» Маяковского сделана как бы из... детских буквенных кубиков, из которых и собирается это страшное слово – «тюрьма». Так что это были за годы, до ареста? Может быть, лишь игра в революцию?

В тюрьме Маяковский впервые знакомится со стихами современных ему поэтов, в первую очередь символистов. Юношеское самолюбие берет свое, и он тоже пробует писать стихи: «Перечел все новейшее. Символисты – Белый, Бальмонт. Разобрала формальная новизна. Но было чуждо. Темы, образы не моей жизни. Попробовал сам писать так же хорошо, но про другое. Оказалось, так же про другое – нельзя. Вышло ходульно и ревлаксиво. Что-то вроде:

*В золото, в пурпур леса одевались,
Солнце играло на главах церквей.
Ждал я: но в месяцах дни потерялись,
Сотни томительных дней.*

Исписал таким целую тетрадку. Спасибо надзирателям – при выходе отобрали. А то б еще напечатал!» Пройдет двадцать лет, и Маяковский, устраивая свою выставку, будет искать эту тетрадку со своими первыми стихами. Она окажется утерянной безвозвратно, но в музейном пространстве мы видим эти четыре строчки, которые он вспомнил, и удивляемся, что это тоже Маяковский, это то, с чего он начинался.

«Будетляне»

И вот уже гость музея оказывается под вы-полненной в классическом стиле ротондой Училища живописи, ваяния и зодчества, куда, в фигурный класс, поступает Маяковский после тюрьмы. Но ему тесно в академических рамках, навязываемых преподавателями, и, разрушая их, он смело берется творить свое собственное искусство. Здесь трудно пройти мимо очаровательной фигуры жирафа, на котором расположилась серия рисунков Маяковского – на них также изображены жирафы, его любимцы, он себя настолько с ними ассоциировал, что эти рисунки можно считать зарисовками из его собственной жизни. Чего стоит душераздирающая картинка, где долгового жирафа терзает врач-зубодер, очень сильно

смахивающий на обезьяну. Это прямая отсылка к жизни Маяковского. В 1911 году он съезжает от матери, дабы не быть лишним ртом, живет в сторожке и питается в день двумя баранками да кольцом колбасы, на котором делал зарубки: завтрак, обед, ужин. И, конечно, здоровью такой рацион не способствовал.

«В училище появился Бурлюк. Вид наглый. Лорнетка. Сюртук. Ходит напевая. Я стал задирать. Почти задрались» – так, весьма плачевно, могли сложиться отношения Владимира Маяковского и Давида Бурлюка, к тому времени уже известного художника и поэта, получавшего в Училище дополнительное образование. Но, по счастью, драка не состоялась, а случилась крепкая мужская дружба, сохранившаяся до конца жизни Маяковского. Бурлюк помогает Маяковскому раскрыться как поэту,

даже дает по 50 копеек на день, чтобы «писать не годая». Эти 50 копеек Маяковский потом ему обязательно вернет, но уже серебряным рублем. Именно Бурлюку Маяковский прочтет свои первые стихи, а тот скажет в ответ: «Да вы же гениальный поэт!» и уже на следующее утро будет представлять Маяковского друзьям не иначе как «мой гениальный друг, знаменитый поэт Маяковский». А в ответ на закономерное смущение Маяковского будет «рычать» на него, отведя в сторонку: «Теперь пишите. А то вы меня ставите в глупейшее положение».

Маяковский входит в круг людей искусства, назвавших себя «футуристами», от итальянского *futuro* – «будущее». Это поэты, художники, музыканты, которые скажут о себе в вышедшем в 1912 году сборнике «Пощечина общественному вкусу»: «Только мы – лицо на-

шего Времени. Рог времени трубит нами в словесном искусстве». В этом сборнике будут напечатаны первые два стихотворения Владимира Маяковского: «Ночь» и «Утро».

Сборник сразу бросается в глаза в музейной инсталляции, но еще больше привлекает внимание образ нового, яркого мира – Земшара, который мечтали построить футуристы. Они мечтали о Революции, в первую очередь о революции в искусстве, о революции человеческого духа. Футуристы (Василий Каменский, Алексей Крученых, Давид Бурлюк, Елена Гуро, Велимир Хлебников и др.) стремились «сбросить Пушкина, Достоевского, Толстого и проч. и проч. с парохода Современности», и, к слову, в «ноги» нового земного шара уже брошен, как символ классического искусства, образ Венеры Милосской.

Главный художественный прием, аргумент футуристов – эпатаж. Они привлекают к себе внимание раскрашенными лицами, яркими, непривычными для обывателей одеждами и, конечно, непонятными для большинства стихами. Издаваемые ими сборники одним своим видом бросают

◀ «Рождение Маяковского-поэта»

вызов морализаторскому обществу: обложка «Пощечины...» сделана из мешковины, а другой лежащий рядом сборник, «Садок судей», напечатан на обратной стороне обоев.

Как самодостаточный поэт Маяковский заявит о себе в 1913 году, когда выйдет его первый сборник стихов под «скромным» названием «Я». Он находится на почетном месте в музейном футуристическом мире. Привлекает внимание «портрет» Маяковского, который, по просьбе поэта, изобразил на обложке художник Василий Чекрыгин. Эта на первый взгляд черно-желтая клякса не что иное как яркий бант, который поэт в то время считал главной деталью своего костюма: «Испытанный способ – укрощаться галстуком. Нет денег. Взял у сестры кусок желтой ленты. Обвязался. Фурор. Значит, самое заметное и красивое в человеке – галстук. Очевидно – увеличишь галстук, увеличится и фурор. А так как размеры галстуков ограничены, я пошел на хитрость: сделал галстучковую рубашку и рубашковый галстук. Впечатление неотразимое».

В двадцать лет Маяковский заявил о себе не только как поэт, но и как драматург, написав и поставив свою первую пьесу, трагедию «Владимир Маяковский». Синие шары, что лежат у ног посетителей, – это слезы, слезинки и слезищи, вся боль и скорбь мира, которые поэт Владимир Маяковский, иг-

рая самого себя, готов взять у людей, дабы избавить их хотя бы от части земных страданий.

«Зимой 1913 года я был в Луна-парке, в бывшем театре Комиссаржевской, и стоял в помещении для оркестра вместе с Хлебниковым и другими “будетлянами” – мы смотрели трагедию Маяковского “Владимир Маяковский”, в которой главную роль исполнял он сам. Театр был набит до последней возможности. Ждали колоссального скандала, пришли ужасаться, негодовать, потрясать кулаками, свистать, – а услышали тоскующий, лирический голос, жалующийся со страстной искренностью на жестокость и бессмыслицу окружающей жизни.»

«Долой вашу любовь!»

Большинство было разочаровано, но кое-кому в этот день стало ясно, что в России появился могучий поэт, с огромной лирической силой.

Своей лирики он всегда как будто стыдился – «в желтую кофту душа от осмотров укутана» – и те, кто видел его на эстраде во время боевых выступлений, даже не представляли себе, каким он бывал уступчивым и даже застенчивым в беседе с теми, кого он любил» (К.И. Чуковский. «Маяковский»).

Окончательно утвердится на поэтической сцене Маяковский в 1915 году, когда напишет и издаст свою первую поэму «Облако в штанах», в которой громко скажет о себе:

*У меня в душе ни одного седого волоса,
и старческой нежности нет в ней!
Мир огромив мощью голоса,
иду – красивый,
двадцатидвухлетний.*

Эта маленькая книжечка находится в часах на городской площади, где разворачивается теперь музейный спектакль. Время Маяковского пришло. Удивительно, насколько эта маленькая, незамысловато оформленная книжечка оказалась злободневной: буквально треть поэмы перед изданием была изрезана цензурой, а в зале во время публичных чтений в первом ряду сидел полицейский, следя с карандашом, до какого места Маяковский имеет право читать. Через три года, в 1918-м, Маяковский переиздаст эту поэму без купюр, дополнив ее и слегка видоизменив. Теперь в ней окончательно утвердятся четыре протеста Владимира Маяковского, своеобразные крики «долой!» всему, что претит ему в этом мире. В зале музея – «кричащие» указатели: «Долой вашу любовь!», «Долой ваше искусство!», «Долой вашу религию!» и «Долой ваш строй!». Эта часть музейного пространства целиком окрашена в ненавистный зеленый, здесь впервые между зрителем и действием установлен некоторый барьер. Перед нами за стеклом буржуазный салон с типичными атрибутами; чтобы попасть в него, надо пройти определенный денежный ценз. Маяковский отрицает мещанскую любовь, где деньги являются третьим не лишним, а, наоборот, обязательным. Трагедия в том, что, как бы поэт ни отрицал подобную любовь, сердцу нельзя приказать, и именно в этой, салонной части экспозиции стоят три фотографии молодых женщин, которые в разные годы жизни Маяковского занимали место в его сердце, заставляя его любить и страдать.

Мария Денисова

Мария Денисова, первая любовь. Он познакомился с ней в Одессе во время «Турне футуристов», в ее образе впервые для поэта сошлись ум и красота. Он хочет жениться на ней, не желая ничего знать о том, что Мария помолвлена и собирается выйти замуж за другого человека. Он вновь и вновь приглашает ее на свидания, на которые она, из правил приличия, не приходит:

*Вы думаете, это бредит малярия?
Это было,
было в Одессе.
«Приду в четыре», – сказала Мария.
Восемь.
Девять.
Десять.
Вот и вечер
в ночную жуть
ушел от окон,
хмурый,
декабрь.
В дряхлую спину хохочут и ржут
канделябры.*

Марии Владимир Маяковский посвящает поэму «Облако в штанах».

Софья, или, как ласково звал ее Маяковский, Сонка Шамардина. Дружба между ними на какой-то срок переросла в нечто большее, но потом

Лиля Брик

вернулись отношения дружеской привязанности, которые сохранились до конца жизни Маяковского. Это были чувства братско-сестринские, образ Сонечки можно встретить в трагедии «Владимир Маяковский». И, возможно, именно ей посвящено одно из самых проникновенных его стихотворений «Послушайте!».

«Вспоминается, как возвращались однажды с какого-то концерта-вечера. Ехали на извозчике. Небо было хмурое. Только изредка вдруг блеснет звезда. И вот тут же, в извозчичьей пролетке, стало слогаться стихотворение: «Послушайте! Ведь если звезды зажигают – значит – это кому-нибудь нужно?..»

Значит – это необходимо,
чтоб каждый вечер
над крышами
загоралась хоть одна звезда?! – держал мою руку в своем кармане и наговаривал о звездах. Потом говорит: «Получаются стихи. Только непохоже это на меня. О звездах! Это не очень сентиментально? А все-таки напишу. А печатать, может быть, не буду» (Софья Шамардина. «Футуристическая юность»).

И, наконец, последняя фотография, она поневоле притягивает взгляд. Вот она, та женщина, которая навсегда станет музой Владимира Маяковского и «будет виной» абсолютно всему:

Если
я
чего написал,
если
чего
сказал –
тому виной
глаза-небеса,
любимой
моей
глаза.
Круглые
да карие,
горячие
до гари.

Совпадение творчества и науки.
Взрыв и кубизм
Неправильности в словах.
Этот футуризм и акцент
от Маяковского Пушкина
к стилям футуризма.
Передовой тип по-
жизненной.
Хохлацкие анекдоты
логик и будущее
остроумие.

Эта женщина – Лиля Юрьевна Брик. Владимир Маяковский знакомится с ней, а точнее, с семьей Бриков (Лиля уже замужем за Осипом Бриком) в июле 1915 года.

«Маяковский в то время был франтом – визитка, цилиндр. Правда, все это со Сретенки, из магазинов дешевого готового платья. И бывали трагические случаи, когда, уговорившись с вечера прокатить Эльзу (сестра Л.Ю. Брик) в Сокольники, он ночью проигрывался в карты и утром, в визитке и цилиндре, катал ее вместо лихача на трамвае. Володе шел двадцать второй год.

Мы шепнули Эльзе: «Не проси его читать». Но она не вняла нашей мольбе, и мы в первый раз услышали «Облако в штанах» <...>

Первый пришел в себя Осип Максимович. Он не представлял себе! Думать не мог! Это лучше всего, что он знает в поэзии!.. Маяковский – величай-

ший поэт, даже если ничего больше не напишет. Он отнял у него тетрадь и не отдавал весь вечер. Это было то, о чем так давно мечтали, чего ждали. Последнее время ничего не хотелось читать. Вся поэзия казалась никчемной – писали не те, и не так, и не про то, – а тут вдруг и тот, и так, и про то.

Маяковский сидел рядом с Эльзой и пил чай с вренем. Он улыбался и смотрел большими детскими глазами. Я потеряла дар речи.

Маяковский взял тетрадь из рук О. М., положил ее на стол, раскрыл на первой странице, спросил: «Можно посвятить вам?» – и старательно вывел над заглавием: «Лиле Юрьевне Брик» (Лиля Брик. «Из воспоминаний»).

День этого знакомства он отметит в автобиографии отдельной маленькой главкой под заголовком «Радостнейшая дата». Об отношении Владимира Маяковского с Лилей Брик написано

«Долой ваше искусство!»

много самых разных книг и статей, хотя сам поэт в своем предсмертном письме просил не сплетничать об этом. Музей предлагает каждому зрителю самому определить свое отношение к этой истории любви – трагической по самым разным причинам, главную из которых каждый участник музейного действия выбирает сам. Не стоит отрицать, что именно Лиля Брик становится музеем Владимира Маяковского, что, испытывая по отношению к ней «громаду любовь», он напишет свои тончайшие лирические поэмы «Флейта-позвоночник», «Люблю», «Про это» и задевающее за живое даже самого черствого человека стихотворение-письмо «Лиличке!».

«Долой ваше искусство!» – скажет Маяковский. Это искусство потребления, и вновь за стеклом – символическое кафе поэтов с тремя столиками, за которыми уживаются представители трех основных поэтических течений начала XX века: символисты, акмеисты и, конечно, футуристы. Пол в этом кафе сделан в виде палитры, но в ней вместо привычных кистей – вилки и ножи, символизирующие потребление буржуазией искусства под звон бокалов и стук приборов о тарелки.

Крещенный в детстве в православную веру под иконой Грузинской Божьей Матери, Владимир Маяковский теперь с максималистским запалом говорит «долой!» религиозным догмам. Изначально поэма «Облако в штанах» должна была называться «Тринадцатый апостол»; на глазах зрителей к музейным небесам восходит Вавилонская башня из изрезанных ликов святых:

*Я думал – ты всесильный божище,
а ты недоучка, крохотный божище.
Видишь, я нагибаюсь,
из-за голенища
достаю сапожный ножик.
Крыластые прохвосты!
Жмитесь в раю!
Ерошьте перышки в испуганной тряске!
Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою
отсюда до Аляски!*

Итоговой крик – «Долой ваш строй!» – объединяет в себе все высказанные ранее протесты. Вокруг нас – ящики с оружием, отправляемые на фронт во время Первой мировой войны. Маяковский отрицает бойню между капиталистическими странами за передел политической карты мира. Вы поднимаете голову, и разворачивается страшная картина: оружейные ящики превращаются в гробы – в них возвращались убитые мужчины с фронта; но обиты они не бархатной тканью, как дань уважения к совершенным подвигам, а царским рублем. В это время поэт скажет зна-

чимую для себя фразу: «Нужно писать не о войне, нужно писать войною». Так появляются его знаменитые антивоенные стихи: «Я и Наполеон», «Мама и убитый немцами вечер» и др. В это же время Маяковский начинает профессионально работать как художник-плакатист, трудится над серией антивоенных плакатов, часть которых развешана по «гробовым» стенам.

Первый зал – ключ к восприятию всей музейной экспозиции. Это зал, наполненный борьбой и бунтарством, любовью и верой – в будущее, в себя, в новую, лучшую жизнь, которая обязательно будет построена. А главное, это зал, где происходят три «рождения» Владимира Маяковского – как человека, как гражданина и как поэта. Здесь ощущается триумф, энергетика молодого Маяковского, который готов смело идти навстречу всему новому и готов повести людей за собой.

«Моя революция»

«Маяковский вошел в революцию как в собственный дом. Он пошел прямо и начал открывать в доме своем окна», – скажет о Владимире Маяковском его друг и соратник Виктор Шкловский. Прежде чем войти в неоднозначное постреволюционное время, гости музея совершают для многих трудное восхождение по лестнице на четвертый этаж, где располагается маленькая комнатка – первый настоящий «дом» Владимира Маяковского, который появился у него в 1919 году.

Небольшая комната в коммунальной квартире, 11 кв. м, в которую заселяется Маяковский по программе «уплот-

нения» отдельных больших квартир. Она – сердце музея, застывшая история, вокруг нее строится музейное повествование, она окружена ломаным пространством и буйством цвета. Эта комната – словно передышка на жизненном пути, который нам вместе с поэтом еще предстоит пройти и осмыслить. В ней все осталось так, как было при Маяковском. Даже когда шла работа над созданием музея, когда пространство фантастически изменялось, возле этой комнаты была очень многозначная по тем временам надпись: «Перестройке не подлежит».

Это не просто комната, это в первую очередь рабочий кабинет, где Владимир Маяковский рисует плакаты, рекла-

◀ Комната В.В. Маяковского, в которой он прожил с 1919 по 1930 г.

«Да здравствует новая религия!»

му, где одно время находилась редакция журнала «ЛЕФ», где постоянно кипела работа. Многие ожидают увидеть здесь «творческий беспорядок», который часто характерен для неординарных людей. Но Маяковский был в этом плане очень педантичен. Возможно, ощущая некоторый хаос в душе, в своей жизни, ему хотелось видеть хотя бы внешний порядок в своем доме, которого он так долго ждал. Здесь все всегда было разложено по полочкам и ящикам, аккуратно прибрано. В комнате нет ни грамма роскоши, хотя в двадцатые годы Маяковский был уже известным поэтом и мог себе ни в чем не отказывать. Но такой уж он был человек, предпочитавший больше отдавать другим, нежели обрести ненавистным для него бытом. Есть лишь единственное, чем он позволяет себе «обращаться», – это записки, они нескончаемым потоком шли на сцену во время его выступлений. За всю жизнь он соберет более 20 тыс. самых разных записок и будет их бережно хранить в шкатулке красного дерева, которая, как и раньше, стоит на его рабочем столе.

Буквально в пяти минутах ходьбы от Лубянского проезда, где живет Маяковский, находится Политехнический музей, большая аудитория которого была одной из главных площадок московских поэтических вечеров. В дни выступления Маяков-

ского лестница дома, по которой так нелегко сейчас подниматься, превращалась в место паломничества: желающие попасть на встречу с поэтом осаждали ее, не давая пройти, просили контрамарку или лишний билетик.

«Политехнический осажден. Смяты очереди. Трещат барьеры. Давка стирает со стен афиши. Администратор взмок... Лысой кукушкой он ускользает в захлопнувшееся окошечко. Милиция просит очистить вестибюль.»

Зудят стекла, всхлипывают пружины дверей. Гам... Маяковский сам не может попасть на свой вечер. Он оказывается заложником у осаждающих. С него требуют выкупа: пятьдесят контрамарок... ну, двадцать, – тогда пропустят. Но он уже роздал вчера, сегодня, сейчас десятки контрамарок, пропусков. Большие нет. Он оскудел.

И Маяковский продирается к выходу. Он начинает таранить, ворочаться, раздвигать, как затертый мощный ледокол. Потом он вдруг сразу и легко проходит через всю толщу толпы.

Зал переполнен. Сидят в проходах, на ступеньках, на краю эстрады, на коленях друг у друга. Только в первых рядах еще видны пустые места, оставленные для лиц, особо уважаемых администрацией и пренебрежительно опаздывающих.

Маленькая закулисная комнатка загромождена Маяковским. Она раздавлена его расхаживанием. Комнатка тесна Маяковскому. Владимир Владимирович сторонит широкие плечи. В углу рта папироса. Она закушена, как удила» (Л.А. Кассиль. «На капитанском мостике»).

Казалось бы, Владимир Маяковский по меркам коммунальной квартиры не очень спокойный сосед: частые звонки, письма, шумные гости. Однако он умел расположить к себе и поддерживал дружеские отношения со всеми, кто его окружал. Соседи с радостью ему помогали, получали письма в его отсутствие, передавали информацию от звонивших ему людей. Дети, живущие в этой квартире, тоже были в восторге от дяди Маяковского. Если ему нужно было сосредоточиться, а в коридоре шли в это время шумные детские игры, дядя Маяковский выходил из комнаты и не ругал шалунов, а раздавал шоколадные конфеты, их у него всегда был большой запас. Дети, увлеченные сладостями, разбегались по своим комнатам, а у Маяковского появлялась возможность поработать.

Но, стоя возле этой комнаты, к сожалению, невозможно ни на секунду забыть о том, что именно здесь завершилась жизнь поэта. И в воздухе повисает один и тот же мучительный вопрос: «Почему?» Что кардинально изменилось в стране, которую с таким запалом строил Маяковский? Почему человек, который так любил жизнь, который просто так любил, выбрал такой финал? К этому финалу и к этим тягостным размышлениям под-

талкивает стремительное развитие музейного действия. С паркета возле комнаты поэта музейный маршрут переносит нас в зал постреволюционного времени, окрашенный в столь любимый им ярко-желтый, солнечный цвет. Прошла эпоха «Долой!», настала эра «Да здравствует!». Новый строй начинается под лозунгом «Вся власть народу!». Перед нами типичная картина зала заседания, где решаются самые важные вопросы страны. Маяковский в октябре 1917 года переезжает вслед за правительством в Петроград и, увлеченный витающими в воздухе новыми идеями, принимает активное участие в таких совещаниях. В его автобиографии появится запись: «Моя революция. Пошел в Смольный. Работал. Все, что приходилось. Начинают заседать». Но уже через пять лет Маяковский напишет стихотворение, которое назовет «Прозаседавшиеся»...

К первой годовщине Октября поэт ставит себе цель создать произведение, посвященное этой дате. Так появляется «Мистерия-БУФФ», первая советская пьеса, в которой будет провозглашена новая религия государства. Перед нами опять земной шар, перекроенный на новый лад. Теперь есть лишь один бог – бог-человек, который сам строит такую жизнь, о которой мечтает.

Долгожданный возглас всех творческих людей: «Да здравствует новое искусство!» Условности сняты, рамки разрушены. Из трех своеобразных мастерских, представленных в экспозиции, наибольшее внимание привлекает «мастерская цвета»,

которая открывает для нас «Окна РОСТА». РОСТА – российское телеграфное агентство, главный пункт передачи новостей, куда Владимир Маяковский пришел в 1919 году и где проработал почти три года, став негласным, но всеми признанным руководителем.

«Однажды на одном жарком диспуте о путях советской живописи я настолько увлекся страстным спором, что забыл о ждущей меня дома срочной работе. Была уже полночь, когда я вернулся в свою холодную комнату. Надо было приготовить ужин и написать около двадцати пяти листов (состав-

«Да здравствует новое искусство!»

лявших три «Окна»). Я одновременно ел, дремал и работал.

К утру работа была окончена. Быстро свернув еще сырые плакаты, я устремился в РОСТА. На Сухаревой башне часы показывали ровно двенадцать. Итак, я опоздал на целых два часа. Я знал, что Маяковский мне этого не простит.

– Маленько опоздал... – сказал я подчеркнута мягко, кладя на его стол плакаты. – Нехорошо... Сознаю...

Маяковский мрачно молчал.

– Я плохо себя чувствую, – безуспешно пытался я смягчить его гнев, – я, очевидно, болен...

Наконец Маяковский заговорил:

– Вам, Нюренберг, разумеется, разрешается болеть... Вы могли даже умереть – это ваше личное дело. Но плакаты должны были здесь быть к десяти часам утра. – Взглянув на меня, он усмехнулся и полушепотом добавил: – Ладно, Нюренберг, на первый раз прощаю. Деньги нужны? Устрою. Ждем кассира. Не уходите» (А.М. Нюренберг. «Маяковский с художниками»).

Каждому жителю страны необходимо быть в курсе всех последних новостей из мира политики, экономики, культуры. Но что делать, если рабочие и крестьяне, в чьи руки отдана власть, в большинстве своем не знают грамоты, не умеют читать? Выход найден – давать новости в картинках, а готовые «Окна» размещать на улицах, в окнах, витринах пустующих магазинов. До прихода в РОСТА Маяковского «Окна» напоминали огромный журнальный лист, где было сразу несколько тем. Потом стилистика «Окон» изменится: одна тема – одно «Окно». Новость имеет смысл, пока она свежая, поэтому работать художники-ростинцы должны были молниеносно. Стоило только пройти важному сообщению по телеграфу, и через 15–20 минут готовое «Окно» уже было установлено в отведенном для него месте. Это был тяжелый труд небольшой группы людей в условиях, очень далеких от идеальных. Были перебои с питанием, но Маяковский добивается введения специальных «едальных» карточек для ростинцев. Работали в холоде, замерзшими пальцами; зрители, конечно, замечают яркую, словно солнце, печку-«буржуйку» – то небольшое, что хоть как-то реально могло согреть художников. Как бы тяжело ни было, люди верили в будущее, которое обязательно наступит. И именно поэтому на печке-солнышке – строки знакового для этих лет стихотворения «Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче».

«Поэт приехал из Пушкина, где он несколько дней отдыхал и работал. Он привез новое произведение и хотел его прочесть “своим”. Мы собрались на квартире Черемных (она находилась в доме РОСТА). Были: П.М. Керженцев (заведовавший тогда РОСТА), И.А. Малютин, О.М. Брик, я и моя жена.

Гостеприимные хозяева угощали нас (это в то-то время!) чудесными сибирскими пельменями и коньяком.

После ужина Маяковский прочел “Необычайное приключение...” Читал он в тот вечер с незабываемым подъемом. Когда он своим мощным голосом произнес:

*Светить –
и никаких гвоздей!
Вот лозунг мой –
и солнца! – мы бросились к нему, почувствовав непреодолимое желание пожать ему руку, обнять и поцеловать его.*

– Как настоящие алкоголики. Лезете цело-

◀ «Да здравствует новая любовь!» ▶

Лиля Брик и Владимир Маяковский. 1915

ваться, – ворчал он» (А.М. Нюренберг. «Маяковский с художниками»).

Но было кое-что, чего Маяковский, с таким восторгом шедший в ногу с временем, принять и понять не смог. Помимо эпохи нового строя, религии и искусства, провозглашена эпоха новой любви... В стране началась жизнь коммунальной, которая очень скоро станет похожа на жизнь в коммуналке наподобие той, где проживает Маяковский. Любовь теперь не личное, интимное чувство, а тема, которую можно вынести на обсуждение или диспут, прилюдно осудить или одобрить. В жизни коммунальной отрицается такое чувство, как ревность. А Владимир Маяковский очень любит и очень ревнует свою любимую женщину, Лилу Брик, принявшую правила этого нового строя и не отказавшуюся от роскоши, от тех представлений о жизни, которые у нее были. И вот перед нами дачная ограда ненавистного зеленого цвета, а за ней: картина дачного чаепития с постоянно меняющимися гостями; слоники, аккуратно расставленные по росту на трюмо. Вещи подавляют настоящее человеческое я, «про-

мада-любовь» Владимира Маяковского не может встать в один ряд с фарфоровыми статуэтками. Он хочет вырваться из этого коммунального мира...

После триумфа, энтузиазма, после такого громкого, но уже с ощутимой ноткой разочарования возгласа «Да здравствует!» судьба Маяковского делает непредсказуемые повороты, а гости музея, спускаясь с его вершины вниз, продолжают собирать, будто детали детского конструктора, в единое целое все то, что в итоге приведет к необратимой трагедии.

На Бруклинском мосту

И вот уже борт корабля «Эспань», на котором Владимир Маяковский в 1925 году плывет в загадочную Америку, о которой говорят как о стране с невероятной свободой. А что на самом деле он увидит? Экспозиция «Америка» – маленький пуп земли, на котором собрано то, что замечает Маяковский. Его покорит Бруклинский мост, под которым стоят гости музея, поразят никогда не виданные им небоскребы. Но позже

Во дворе советского полпредства в Мексике. В.В. Маяковский, В.Я. Волинский и Ф. Морено. 1925

он скажет, что в Америке нет никакой свободы, а есть только статуя. На афише одного из выступлений отчетливо читается главный тезис, заявленный Маяковским: «Бог – доллар, доллар – дух святой». Он проведет в этой стране лишь три месяца, хотя с большим трудом ему удалось добиться полугодовой визы. В итоге будут строки:

*Я смотрю,
и злость меня берет
на укрывшихся
за каменный фасад.
Я стремился
за 7000 верст вперед,
а приехал
на 7 лет назад.*

Но сколь ни велико его разочарование, взгляд посетителя невольно связывает два моста, что «построены» рядом в одном зале: американский, железный, непобедимый Бруклинский мост и советский мост в социализм, в то «Хорошо!», о котором пишет Маяковский в поэме 1925 года. Последний кажется очень непрочным, составленным, будто из обгоревших спичек, из людской неуверенности... Уже в 1928 году поэт будет отказываться на выступлениях читать эту поэму, которую еще несколько лет назад считал программной, и вынашивать замысел поэмы-ответа самому себе – «Плохо»...

Следующий поворот судьбы, и мы уже в куда более любимой Маяковским Европе. Германия, Латвия, Чехия, Италия, множество стран и городов. Но самый любимый город Маяковского – это, конечно, Париж.

*Подступай к глазам, разлуки жижа,
Сердце мне сентиментальностью расквась!
Я хотел бы жить и умереть в Париже,
Если б не было такой земли – Москва.*

Мост в социализм

Вместе с ним мы оказываемся в мастерских Пикассо, Леже... Вызывает улыбку представленный в этой инсталляции дружеский шарж Делоне – кстати, это первый шарж, который был нарисован на Маяковского. Хотя сам Маяковский был весьма ироничен по отношению к себе, о чем свидетельствует собственноручно нарисованная им на себя карикатура в одной из записных книжек во время очередного пребывания в Париже.

Отношение к нему в Париже среди интеллигенции, эмигрантов было очень неоднозначным. В экспозиции представлено письмо Марины Цветаевой, которая открыто приветствовала Владимира Маяковского:

*«3-го декабря 1928 г.
Дорогой Маяковский!
Знаете, чем кончилось мое приветствование Вас в “Евразии”?! Изъятием меня из “Последних новостей”, единственной газеты, где меня печатали – да и то стихи 10–12 лет назад! (NB! Последние новости!)
“Если бы она приветствовала только поэта-Маяковского, но она в лице его приветствует новую Россию...”*

*Вот Вам Милюков – вот Вам я – вот Вам Вы.
Оцените взрывчатую силу Вашего имени и сообщите означенный эпизод Пастернаку и кому еще найдете нужным. Можете и огласить.
До свидания! Люблю Вас.*

Марина Цветаева.

Париж – еще одна боль Владимира Маяковского. В 1928 году он знакомится с Татьяной Яковлевой, эмигранткой. Это было чувство, которое, казалось, вновь пробудило Маяковского к жизни и могло бы вывести его из подавленного состояния, в котором он находился. Для него немислимо остаться с ней в Париже, он намерен увезти ее с собой в Москву.

*Мы
теперь
к таким нежны –
спортом
выпрямить не многих, –
вы и нам
в Москве нужны,
не хватает
длинноногих.*

(Заодно он готов увезти с собой и Эйфелеву башню: «Идемте, башня! К нам! Вы – там, у нас, нужней!») Двух приездов Владимира Маяковского не хватает: для Татьяны покинуть Францию – слишком серьезный шаг. Они оба ждут третьего, решающего его приезда в Париж, когда и должно было все решиться... В Москве Маяковский встречается с Бриками, рассказывает им о своей любви и читает два стихотворения: «Письмо Татьяне Яковлевой» и «Письмо товарищу Кострову из Парижа о сущности любви».

Любить –
это значит:
в глубь двора
вбежать
и до ночи грачей,
блестя топором,
рубить дрова,
силой
своей
игрючи.
Любить –
это с простынью,
бессонницей
рваных,
срыватьсь,
ревнуя к Копернику,
его,
а не мужа Марьи Ивановны,
считая
своим
соперником.

Татьяна Яковлева. 1929

Третьего приезда Владимира Маяковского в Париж к Яковлевой не будет. Лиличка, как ласково звал Лилу Брик Маяковский, почувствовав, что ее пьедестал единственной Музы пошатнулся, поняв, что на смену ее «глазам-небесам» могут прийти «выпрямленные дуги» бровей Татьяны Яковлевой, смогла сделать все, чтобы отныне и навсегда Владимиру Маяковскому было отказано в выдаче разрешения на въезд во Францию. Между любящими сердцами возведена стена, не ходят даже письма и телеграммы. Уже решившая вернуться в Советскую Россию Яковлева в недоумении, и спустя полгода неизвестности и ожиданий она выходит замуж за своего давнего поклонника, о чем «случайно» Владимир Маяковский узнает в Москве. Но в своих воспоминаниях Татьяна Яковлева скажет, что в ее жизни был лишь один мужчина, которого она любила по-настоящему все это время, и имя ему – Владимир Маяковский.

«Маяковский, вас забудут!»

Поэт напряжен предельно, но личные трагедии не должны мешать работе, и вот мы уже в зрительном зале, где на нас, как и на него во время выступлений, смотрят самые разные лица, в которых часто читается агрессия и непонимание. Многие приходят лишь для того, чтобы оскорбить, вывести его из себя. Но для Маяковского скандальность – уже пройденный этап. Он не ругался на сцене, он умел словом, ловко и метко, поставить на место любого выскочку.

« – Мы с товарищем читали ваши стихи и ничего не поняли.

– Надо иметь умных товарищей!

– Маяковский, ваши стихи не волнуют, не греют, не заражают.

– Мои стихи не море, не печка и не чума.

– Маяковский, зачем вы носите кольцо на пальце? Оно вам не к лицу.

– Вот потому, что не к лицу, и ношу на пальце, а не в носу.

– Маяковский, вы считаете себя пролетарским поэтом, коллективистом, а всюду пишете – я, я, я.

– А как вы думаете, Николай Второй был коллективист? А он всегда писал: мы, Николай Второй... И нельзя везде во всем говорить: мы. А если вы, допустим, начнете объясняться в любви девушке, что же, вы так и скажете: «Мы вас любим»? Она же спросит: «А сколько вас?» (Л.А. Кассиль. «На капитанском мостике»).

Маяковский умело парировал и выкрики из зала, и записки, с частью их можно ознакомиться в этой инсталляции. Но каждое грубое слово он нес в себе, они отзывались раной в сердце. Ведь эти слова говорили люди, для которых он работал, писал стихи, с которыми, ему казалось, он говорит на одном языке. «Я хочу быть понят моей страной, а не буду понят, – что ж, по родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь...»

Еще один виток жизни Владимира Маяковского, где посетители музея становятся и правдами зрители – зрителями двух последних его пьес, «Клоп» и «Баня», где он изобличает «всю ту дрянь», на ко-

торую не в состоянии больше закрывать глаза. Не в его правилах молча наблюдать, как рушится мир, который он тоже строил. Маяковский высмеивает бюрократию, ура-патриотизм, потребительское отношение к жизни, ненавистное мещанство, которое никуда не делось, а лишь научилось маскировать, рядясь в красно-пролетарские одежды. Но такая правда Стране Советов была не нужна. Мы смотрим на газеты, их заголовки «кричат» о пасквильных пьесах Владимира Маяковского, называя его лгуном и лжецом. То, что людям оказалось проще закрыть глаза на проблемы, отвернуться от них, было для Маяковского ударом даже не в спину, а напрямую в самое сердце.

Но ведь он не отступит, будет бороться дальше? Ведь он не может сдать? Воодушевленный жизненной энергией поэта, гость музея резко спускается вниз по спирали пандуса... и упирается в стенд последней выставки Владимира Маяковского «20 лет работы» под названием, которое он сам ему дал: «Маяковский не понят массам». Что это: характерная для него ирония или приговор самому себе? Выставка открылась 1 февраля 1930 года. Перед открытием Владимир Маяковский рассылает личные приглашения всем друзьям, со многими из которых он находился в ссоре из-за расхождений во взглядах; шлет приглашения и в правительство, чтобы хоть кто-нибудь из вышестоящих чинов пришел и оценил проделанную им за эти годы работу. На открытие не пришел никто из приглашенных Маяковским друзей, никто из правительства.

Конечно, поэт не подал виду, был «спокоен, как пульс покойника», общаясь с пришедшими на выставку обожавшими его студентами, но это был слишком громкий «звоночек», чтобы суметь не заметить его...

Последнее «нет» скажет Маяковскому Вероника Полонская, девушка, с которой его знакомит Лиля Брик, чтобы хоть как-то «отвлечь» его от мрачных настроений. Это не большая любовь, это соломинка, за которую Владимир Маяковский еще попытается схватиться, в надежде если уж не на счастье всей страны, то хотя бы на личное, собственное. 14 апреля 1930 года в той самой маленькой комнате на четвертом этаже Владимир Маяковский

Вероника Полонская

уговаривает Нору, как он ласково зовет Веронику Полонскую, остаться с ним и быть его женой. Но снова возникают жизненные преграды: Полонская, актриса театра, замужем за режиссером М.М. Яшиным, она не может дать сиюминутный ответ... «Сплошное сердце» поэта не могло выдержать всего, что накопилось за последние годы: трагедии личных отношений, предательства любимой страны; предательства друзей, для которых личные обиды оказались выше человеческих отношений. Наконец, Маяковский, человек по натуре мнительный, в это время болеет: то ли грипп, то ли простуда, он хрипит, ему трудно читать стихи. И уход Полонской утром 14 апреля стал тем, что заставило разжаться пружину, так долго сжатую внутри. Выйдя на лестничную клетку, Вероника слышит выстрел. В 10:15 утра на тридцать седьмом году жизни Владимир Маяковский ставит финальную «точку пули» в конце своей судьбы.

Перед ошеломленным зрителем большая черная железная конструкция; сначала трудно понять, что же это, но вскоре она отчетливо превращается в лист перекидного календаря с рабочего стола Владимира Маяковского, на нем навсегда застыло число: 12 апреля 1930 года. Именно тогда, за полтора дня до страшного решения, поэт Владимир Маяковский напишет предсмертное письмо:

«Всем

В том, что умираю, не вините никого и, пожалуйста, не сплетничайте. Покойник этого ужасно не любил.

Мама, сестры и товарищи, простите – это не способ (другим не советую), но у меня выходов нет.

Лиля – люби меня.

Товарищ правительство, моя семья – это Лиля Брик, мама, сестры и Вероника Витольдовна Полонская. Если ты устроишь им сносную жизнь – спасибо.

Начатые стихи отдайте Брикам, они разберутся.

Как говорят –
“инцидент исчерпан”,
любовная лодка
разбилась о быт.
Я с жизнью в расчете,
и не к чему перечень
взаимных болей,
бед
и обид.

Счастливо оставаться.

Владимир Маяковский.

12/IV – 30 г.».

Что должно было бы произойти в эти полтора дня, чтобы поэт изменил свое решение; чтобы это письмо было просто забыто в ящике стола или же выброшено в ту самую корзину для бумаг, находящуюся над этим огромным черным календарным листком? И был ли все же выход?... Каждый человек, прочитавший это письмо, невольно задает подобные вопросы. Марина Цветаева, потрясенная этой смертью, скажет: «Двенадцать лет подряд человек Маяковский убивал в себе Маяковского-по-

эта, на тринадцатый поэт встал и человека убил... Прожил как человек и умер как поэт...» А спустя два года она написала: «Своими быстрыми шагами Маяковский ушагал далеко за нашу современность и где-то, за каким-то поворотом долго еще будет нас ждать. И оборачиваться на Маяковского нам, а быть может, и нашим внукам, придется не назад, а вперед».

Настоящий поэт не может умереть. И Маяковский-поэт жив в сердцах многих людей, а музей Маяковского готов вновь и вновь открывать для них такую нужную звезду – звезду Маяковского. Мир человека, который сказал: «Ненавижу всяческую мертвечину! Обожаю всяческую жизнь!», просто не может позволить себе замереть, словно в игре «Море волнуется». В музее открываются новые выставки, посвященные окружению Владимира Маяковского, его семье. В Театре поэтов проходят музыкально-поэтические вечера, здесь ставят спектакли, показывают и обсуждают кинофильмы, здесь разгораются споры и дискуссии. В кинолектории можно посмотреть ленту «Барышня и хулиган» – единственный сохранившийся полностью фильм, где главную роль исполняет Владимир Маяковский. Для тех, кому интересно узнать о том, что не показано в основной экспозиции, организуются лекции научных сотрудников музея о фондовых коллекциях. Есть специальная экскурсионная программа «Маяковский и театр». А для самых маленьких музеев проводит детские интерактивные экскурсии.

На выходе из музея в глаза бросается фраза, брошенная Владимиру Маяковскому на одном из его выступлений: «Маяковский, вас забудут!» И тут же рядом – ответ поэта, который не заставил себя ждать: «Приходите через тысячу лет, тогда и поговорим». Трудно загадывать на такой значительный срок, но мы знаем точно, что каждый год 19 июля, в день рождения Владимира Маяковского, так же как и в трагический день его гибели, залы музея будут заполнены людьми, которые его любят, помнят, понимают или же пришли, чтобы открыть для себя этого неординарного человека.

Ежедневно в музей приходят люди самых разных профессий и интересов, разных возрастов, с разным отношением к поэту. Кто-то приходит просто «повидаться» с ним, кто-то готов вступить в спор или посочувствовать. Нет равнодушных. И все это означает только одно: что музею еще есть что рассказать о Человеке, Гражданине, Поэте Владимире Маяковском; что всем нам еще о многом предстоит подумать, общаясь с ним, вчитываясь в страницы его ярко-красных книг, чтобы укрепиться в своих жизненных правилах и убеждениях, уберечься от равнодушия, чтобы почувствовать масштаб и праздничную силу его поэзии и поверить в идеал Любви, торжествующей во Вселенной.

Маяковский
Вас забудут
Приходите
через тысячу лет
Тогда поговорим

